

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.51.70

Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок

Шамиль Мурадович Шурпаев

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал Университета прокуратуры Российской Федерации), Россия 191104, Санкт-Петербург, Литейный проспект, 44, s.shurpaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3080-1418>

Аннотация

В статье исследуются концептуальные проблемы законодательного подхода к описанию признаков исполнителя злоупотреблений и подкупа в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Актуальность исследования связана с проблемами в определении уголовно-правового статуса отдельных служащих государственного (муниципального) заказчика ввиду выбранного законодателем подхода к конструированию новых составов преступлений коррупционной направленности (ст. 200.⁴, 200.⁵ УК РФ) в части описания признаков специального субъекта. Цель исследования — определить особенности законодательной конструкции новелл уголовного законодательства Российской Федерации об уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в сфере закупок на государственные и муниципальные нужды, а также провести анализ уголовно-правового статуса отдельных служащих государственного (муниципального) заказчика. При подготовке статьи изучены результаты исследований широкого круга российских и зарубежных ученых; в статье, кроме научно-правовой, использованы источники статистической информации. Для достижения поставленной в исследовании цели использованы методы: анализа, синтеза, индукции, дедукции, формально-юридический, сравнительно-правовой. В исследовании охарактеризованы концептуальные особенности законодательного подхода при описании признаков специального субъекта составов злоупотреблений и подкупа в сфере закупок. Определены недостатки подхода законодателя к описанию признаков специального субъекта злоупотреблений и подкупа в сфере закупок: необоснованно широкий круг специальных исполнителей злоупотреблений и получения незаконного вознаграждения в сфере закупок; избыточная бланкетизация норм в части описания

признаков специального субъекта; неоправданная казуистичность при описании признаков специального субъекта. Определен уголовно-правой статус контрактных управляющих, членов комиссии по осуществлению закупок и лиц, осуществляющих приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг. Сделан вывод, что несогласованность в науке уголовного права и возможные проблемы правоприменения в связи с определением уголовно-правового статуса адресатов новых уголовно-правовых запретов обусловлены прежде всего избранным законодателем подходом к отражению признаков специального субъекта преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴ и 200.⁵ УК РФ.

Ключевые слова

уголовно-правовой статус, государственный заказчик, муниципальный заказчик, служащие заказчика, должностные лица, преступления коррупционной направленности.

Для цитирования: Шурпаев Ш.М. Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 51–70. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.51.70.

Research article

Issues of Legislator Approach to Features of a Special Subject in Corpus Delicti of Abuse and Bribery in the Public Procurement

Shamil M. Shurpaev

St. Petersburg Law Institute, branch, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44 Liteyniy Prospekt, Saint Petersburg 191104, Russia, s.shurpaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6810-395X>

Abstract

The relevance of the study is associated with the existing problems in determining the criminal legal status of individual employees of the state (municipal) customer in view of the approach chosen by the legislator to the design of new corpus delicti of corruption (Articles 200.⁴, 200.⁵ of the Criminal Code of the Russian Federation) in terms of describing the characteristics of a special subject. The objective of the study is to determine the features of the legislative structure of the novels of the criminal legislation of the Russian Federation on criminal liability for committing corruption-related crimes in the field of procurement to meet state and municipal needs (hereinafter referred to as the field of procurement), as well as to analyze the criminal legal status of individual employees of the state (municipal) customer. When preparing the article, the results of research of a wide range of Russian and foreign scientists were taken into account; in the article, in addition to research and legal information, sources of statistical information were used. To achieve the objective set in the study, the following methods were used: analysis, synthesis, induction, deduction, formal-legal, comparative-legal. The study

characterizes the conceptual features of the legislative approach to describe the features of a special subject in the corpus delicti of abuse and bribery in the field of procurement. The disadvantages of the approach chosen by the legislator to describe the features of a special subject in the corpus delicti of abuse and bribery in the field of procurement have been identified: an unreasonably wide range of special perpetrators of abuse and receipt of the subject of bribery in the field of procurement; excessive formalization of norms in terms of describing the features of a special subject; unreasonable casuistry. The criminal legal status of contract managers, members of the procurement commission and persons accepting the supplied goods, work performed or services rendered was determined. It was concluded that inconsistency in the science of criminal law and possible problems of law enforcement in connection with the definition of the criminal legal status of the addressees of new criminal legal prohibitions are primarily due to the approach chosen by the legislator to reflect the features of a special subject of crimes provided for by Art. 200.⁴ and 200.⁵ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords

criminal legal status; state customer; municipal customer; employees of the customer; officials; corruption-related crimes.

For citation: Shurpaev S.M. (2022) Issues of Legislator Approach to Features of a Special Subject in Corpus Delicti of Abuse and Bribery in the Public Procurement. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 4, pp. 51–70 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2022.4.51.70.

Введение

Роль сферы закупок товаров, работ и услуг на государственные и муниципальные нужды (далее — сфера закупок) определяется степенью и характером влияния данной сферы на экономическое развитие. Государственные закупки, выступая одним из ключевых инструментов фискальной политики государства, формируют основной блок механизмов минимизации отдельных «провалов рынка» [Alhola K., Ryding S. et al., 2019: 97]; [Iannone F., Testa F. et al., 2019: 149–150], используются для развития малого и среднего предпринимательства [Akenroye T. et al., 2020: 857–888]; [Hoekman B., Taş B., 2020: 383–402], определяют предпосылки инновационного развития национальной экономики. Высокая подверженность сферы государственных и муниципальных закупок коррупционным проявлениям является главным препятствием к полноценному использованию всех преимуществ данного фискального инструмента государственной экономической политики.

Широкое распространение коррупционных проявлений в сфере закупок — общепризнанная проблема, о чем свидетельствуют результаты исследований российских [Аристархов А.Л. и др., 2016: 49–51] и зарубежных ученых [Ferwerda J., Deleanu I. et al., 2017: 246]; [Mutangili S., 2019: 36–37]. В многообразии механизмов совершения коррупционных преступлений

в сфере закупок [Dastidar K., Mukherjee D., 2014: 122–124]; [Gottschalk P., Smith C., 2016: 427–429]; [Giorgiantonio C., Decarolis F., 2020: 2]; [Williams-Elegbe S., 2018: 131–136] ключевую преступную роль в силу объема полномочий и выполняемых функций играют представители заказчика. Не зря, например, в одной из публикаций Организации экономического сотрудничества и развития, посвященной антикоррупционной политике в сфере публичных закупок в различных странах, большая часть систематизированных для данной сферы коррупционных рисков приходится на предварительную и непосредственно тендерную фазы закупочного процесса¹ — именно на данных этапах абсолютное большинство функций выполняется представителями стороны заказчика. Названная особенность коррупционных проявлений в сфере закупок положена в основу последних законотворческих тенденций в российской уголовно-правовой политике противодействия коррупции в рассматриваемой сфере.

Новый вектор новеллизации уголовного законодательства России в части установления специальных запретов на нарушения нормального порядка осуществления закупок справедливо связывают как со стремлением законодателя идти в ногу с зарубежными трендами антикоррупционной политики [Семькина О.И., 2018: 166], так и с рядом внутренних объективных причин. Федеральным законом от 23.04.2018 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дополнена ст. 200.⁴ УК РФ (Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд) и ст. 200.⁵ УК РФ (Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии). Избранный законодателем подход к описанию признаков специального субъекта злоупотреблений и подкупа в сфере закупок, характеризующийся казуистичностью, избыточной бланкетностью и другими недостатками, неизбежно повлечет за собой проблемы с применением новых норм. Это требует осмысления и поиска возможных путей решения будущих проблем.

Одна из основных проблем, которые встанут при уголовно-правовой оценке указанных преступлений, состоит в том, что в части описания специальных субъектов преступления нормы носят бланкетный характер. Это следует учитывать при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴ и 200.⁵ УК РФ, и должностных преступлений коррупционной направленности (главным образом предусмотренных ст. 285, 286 и 290 УК РФ). Относительная новизна новых норм и не отработанная практика их примене-

---

¹ OECD. Preventing Corruption in Public Procurement 2016. Available at: <https://www.oecd.org/gov/ethics/Corruption-Public-Procurement-Brochure.pdf> (дата обращения: 19.12.2021)

ния определили фрагментарность научного осмысления рассматриваемой проблемы.

Выявленные проблемы в исследованиях, посвященных анализу указанных уголовно-правовых норм, условно разделим на две группы: связанные с качеством юридической техники и концептуальными недостатками законодательской составляющей уголовно-правовой политики противодействия коррупционной преступности в сфере закупок; посвященные перспективам применения новых норм.

В рамках первой группы проблем авторы указывают на недостатки законодательной конструкции составов злоупотреблений [Любый И.А., 2019: 14–17]; [Любый И.А., 2020 (а): 35–37]; [Сердюк А.Ю., 2020: 390–391, 397] и подкупа [Бавсун М.В., Борков В.Н., 2018: 90–94]; [Чекмезова Е.И., 2018: 454–455] в сфере закупок; приводят аргументы о нецелесообразности размещения данных норм в гл. 22 УК РФ [Борков В.Н., 2018: 31]; [Соловьев О.Г., Князьков А.А., 2020: 71–72]; [Шуба Е.С., 2020: 14–15], в том числе в контексте действенности уголовно-правовой политики противодействия коррупционной преступности в сфере закупок.

В научных публикациях, посвященных перспективам применения новых норм, рассматриваются такие проблемы как отграничение преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 200.⁴ УК РФ от других преступлений, прежде всего хищений [Грузинская Е.И., Рудаков А.Е., 2020: 76]; [Панфилов И.П., 2020: 46–48]; [Черняков С.А., Цуркин В.С., 2019: 45]; отграничение злоупотреблений и подкупа в сфере закупок от смежных преступлений и административных правонарушений [Аснис А.Я., 2018: 37, 39–40]; проблемы квалификации по субъективным [Любый И.А., 2020 (b): 27–29] и объективным [Абрамкин А.Д., 2021 (b): 53–56]; [Перов В.А., 2021: 70–73] признакам составов рассматриваемых преступлений. Проблемы избранного законодателем подхода к конструированию признаков специального субъекта преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴ и 200.⁵ УК РФ, уголовно-правового статуса каждой категории специальных субъектов злоупотреблений и подкупа в сфере закупок не получили должного освещения на комплексной основе. При этом в большинстве исследований прямо или косвенно ученые приходят к выводу о недостатках избранного законодателем подхода к описанию признаков специального субъекта злоупотреблений и подкупа в сфере закупок.

Целью исследования являются анализ и обобщение особенностей законодательной конструкции новелл отечественного законодательства об уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности в сфере закупок, а также изучение уголовно-правового статуса отдельных служащих государственного (муниципального) заказчика. Достижение данной цели потребовало решения частных задач: анализа

концептуальных недостатков выбранного законодателем подхода к описанию признаков специального субъекта преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴, 200.⁵ УК РФ; анализа признаков некоторых категорий специальных субъектов злоупотреблений и подкупа в сфере закупок, выявления возможных проблем, связанных с квалификацией преступлений коррупционной направленности в сфере закупок. В качестве методов исследования избраны общенаучные и частно-научные методы познания, в том числе методы: анализа, синтеза, индукции, дедукции, формально-юридический, сравнительно-правовой.

1. Концептуальные особенности законодательного подхода к описанию признаков специальных субъектов преступлений в ст. 200.⁴ и 200.⁵ УК РФ

Признаки специального субъекта закреплены в ст. 200.⁴ и ч. 4–6 ст. 200.⁵ УК РФ. Диспозиция ст. 200.⁴ и ч. 4–6 ст. 200.⁵ УК РФ сформулирована по типу диспозиции с альтернативными признаками субъектами преступления. Исполнителями преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴ и ч. 4–6 ст. 200.⁵ УК РФ являются: работник контрактной службы; контрактный управляющий; член комиссии по осуществлению закупок; лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг; иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Для отграничения вышеперечисленных субъектов от должностных лиц и «управленцев» законодатель в конструкции ст. 200.⁴ УК РФ использует два негативных признака: субъекты данных преступлений: «не являются должностными лицами» и «не являются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации», соответственно. Избыточность исключения из круга исполнителей злоупотреблений в сфере закупок «управленцев» уже отмечалась в доктрине [Борков В.Н., 2018: 29], и с этим следует согласиться.

Диспозиция ч. 4–6 ст. 200.⁴ УК РФ также содержит негативный признак, направленный на отграничение подкупа в сфере закупок от коммерческого подкупа (ст. 204) и получения взятки (ст. 290), но он распространяется на все элементы состава разграничиваемых преступлений: «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями пятой — восьмой статьи 204 и статьей 290 настоящего Кодекса». В данном случае также излишняя исключающая ссылка на ч. 5–8 ст. 204 и ст. 290 УК РФ. Субъекты преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, не могут выступать участниками контрактных отношений, на которых распространяются уголовно-правовые запреты ст. 200.⁴ и 200.⁵ УК РФ и точнее — представителями заказчика,

выполняющего функции в соответствии с предписаниями Федерального закона от 5.04. 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ).

Трудно предположить, по какой причине название ст. 200.⁵ УК РФ сформулировано только через три категории специальных субъектов (работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок). Как было отмечено, получить предмет подкупа за совершение «встречных» коррупционных действий в связи с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд могут, в соответствии с действующей редакцией диспозиции ч. 4–6 ст. 200.⁵ УК РФ, не три, а пять категорий специальных субъектов.

Таким образом, выделяются следующие концептуальные особенности и недостатки подхода законодателя к описанию признаков специальных субъектов преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴ и ч. 4–6 ст. 200.⁵ УК РФ:

Диспозиции ст. 200.⁴ и ч. 4–6 ст. 200.⁵ УК РФ сформулированы по типу диспозиции с альтернативными признаками субъекта преступления.

Особенности контрактных отношений и широкий круг их участников предопределили громоздкость изложения в части описания признаков субъекта рассматриваемых норм. С точки зрения логики законодателя, для наиболее полного адресного охвата запретов, установленных ст. 200.⁴, 200.⁵ УК РФ, потребовалось включить в конструкцию рассматриваемых составов преступлений по крайней мере пять категорий исполнителей. Это привело к тому, что, к примеру, в диспозиции ч. 1 ст. 200.⁴ специальным субъектам преступления посвящено 54 слова. При этом рекомендованная норма восприятия составляет 7–8 слов [Иванчин А.В., 2012: 84].

В связи с этим недостаточно обоснованным выглядит предложение о расширении круга субъектов злоупотреблений в сфере закупок путем дополнения ст. 200.⁴ УК РФ такими субъектами, как работник оператора электронной площадки и работник оператора специализированной электронной площадки [Гудков А.П., 2018: 95]. Нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок вышеуказанными лицами действительно не исключаются, что актуально в условиях перехода закупок в цифровую среду. Но только лишь риск и вероятность (при этом не имеющие количественного выражения, а существующие лишь в форме предположений авторов вышеуказанного предложения) возможного распространения злоупотреблений не могут считаться достаточными основаниями дополнительной «профильной» криминализации в сфере закупок — это противоречит существующим научным принципам криминализации [Лопашенко Н.А., 2014: 143–155].

Другой недостаток — избыточная бланкетизация уголовно-правовых норм в части описания признаков субъекта. Данная особенность избранно-

го законодателем подхода в совокупности с охарактеризованными выше, по сути, опосредовала казуистичность при описании признаков специального субъекта злоупотреблений и подкупа в сфере публичных закупок.

Название анализируемых статей уголовного законодательства создает дополнительные поводы для непродуктивных дискуссий и ошибочных выводов. Так, в качестве обобщающего нарушения контрактного законодательства в названии ст. 200.⁴ УК РФ использовано слово «злоупотребления». Принимая во внимание субъектный состав злоупотреблений в сфере закупок и, несмотря на включение законодателем в диспозицию рассматриваемой нормы негативных признаков, направленных на отграничение данных преступлений от должностных, неизбежны некорректные устремления субъектов квалификации к смещению уголовно-правовой оценки в пользу выбора ст. 285 УК РФ.

Далее, принимая во внимание наименование отдельных исполнителей и содержание их полномочий, наиболее заметные дискуссии в научной литературе возникли вокруг таких субъектов как: контрактные управляющие; члены комиссии; лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг. В существующих исследованиях нет единства относительно уголовно-правового статуса данных лиц при совершении ими преступлений в связи с использованием служебных возможностей по службе в сфере закупок.

Изменения в интерпретационных актах высшей судебной инстанции (в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (изменения от 11.06.2020, касающиеся разъяснений о признаках субъективной стороны злоупотреблений в сфере закупок) и Постановление Пленума ВС РФ от 24.12. 2019 № 59 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (изменения от 24.12.2019, не содержащие разъяснений об уголовно-правовом статусе специальных субъектов подкупа в сфере закупок) не разрешили проблемы определения уголовно-правового статуса «спорных» категорий специальных субъектов преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴ и ч. 4–6 ст. 200.⁵ УК РФ.

Одновременное наличие в законодательной конструкции составов злоупотреблений и подкупа в сфере закупок указанных ранее негативных признаков в некоторых случаях разграничения преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок, по признакам специального субъекта только усилило неопределенность. Таким образом, имеет место повышенный риск квалификационных ошибок при уголовно-правовой оценке злоупотреблений и подкупа в сфере закупок, что требует научного осмысления уголовно-правового статуса перечисленных выше субъектов.

2. Уголовно-правовой статус контрактных управляющих

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что одним из наиболее дискуссионных вопросов является уголовно-правовой статус контрактных управляющих. В ч. 2 ст. 38 Закона № 44-ФЗ (в ред. от 11.06.2022) указывается, что контрактный управляющий является «должностным лицом, ответственным за осуществление закупки или нескольких закупок, включая исполнение каждого контракта». Отраслевой статус контрактного управляющего может дезориентировать как ученых, так и правоприменителя, поскольку из анализа содержания полномочий рассматриваемых участников контрактных отношений следует, что контрактные управляющие не являются должностными лицами в уголовно-правовом смысле.

На основе анализа типичных нарушений, совершаемых контрактными управляющими в сфере закупок, анализа положений уголовного законодательства, законодательства о контрактной системе, разъяснений высшей судебной инстанции некоторые авторы приходят к выводу о «коллизии в определении статуса, обязанностей и функций контрактного управляющего» [Абрамкин А.Д., 2021 (а): 35], верно отмечая, что противоречия могут снизить качество квалификации правонарушений, совершаемых контрактными управляющими в сфере закупок.

Согласно одному из распространенных подходов, деяния контрактных управляющих должны квалифицироваться по нормам гл. 23 или гл. 30 УК РФ в силу того, что, по мнению сторонников такого подхода, они обладают организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями. Например, А.В. Быков полагает, что «ответственные лица, представляющие интересы государственных или муниципальных заказчиков, а также лиц, исполняющих государственные или муниципальные контракты, в силу исполняемых обязанностей уже приобретают организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции» [Быков А.В., 2018: 38]. Вывод ученого основан на прямом указании на статус контрактного управляющего в ч. 2 ст. 38 Закона № 44-ФЗ.

Схожего подхода придерживается Ю.И. Кулешов, который полагает, что руководители контрактной службы и контрактные управляющие «априори являются должностными лицами» [Кулешов Ю.И., 2018: 83]. По мнению автора, это связано с наличием у таких лиц в подчинении работников контрактной службы, или по признаку осуществления организационно-распорядительных полномочий.

По мнению В.И. Гладких, руководители контрактной службы, председатели конкурсных комиссий обладают управленческими функциями в силу функциональных обязанностей, возложенных на них, в связи с чем, по мне-

нию исследователя, преступные деяния данной категории субъектов не подлежат квалификации по ст. 200.⁴ УК РФ [Гладких В.И., 2019: 52–53]. В связи с этим В.И. Гладких полагает, что квалификация нарушений законодательства о закупках контрактными управляющими должна охватываться ст. 201 УК РФ. С этим также нельзя согласиться — контрактные управляющие не обладают ни признаками «управленцев», указанных в прим. 1 к ст. 204 УК РФ, ни признаками должностных лиц, указанных в прим. 1 к ст. 285 УК РФ. Квалификация злоупотреблений в сфере закупок контрактных управляющих по ст. 204 УК РФ невозможна, во-первых, в силу сферы применения Закона № 44-ФЗ; во-вторых (что напрямую следует из предмета регулирования данного Закона), данные субъекты в соответствии с его ст. 3.3 выступают служащими заказчиков — государственных, муниципальных и иных. Также отметим, что по п. 7 ч. 1 ст. 3 данного Закона к заказчикам, кроме государственных и муниципальных, отнесены такие виды коммерческих организаций, как государственные и унитарные предприятия. Однако нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок, совершенные служащими таких организаций, после изменений, внесенных в примечание 1 к ст. 285 УК РФ в 2015 г., не подлежат квалификации по нормам гл. 23 УК РФ.

Квалификационные ошибки, связанные с неправильным определением уголовно-правового статуса контрактных управляющих, при совершении ими злоупотреблений в сфере закупок или получения незаконного вознаграждения за «встречные» действия в связи с закупкой товаров, работ или услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд могут повлечь существенные негативные правовые и социальные последствия. Одно из основных негативных правовых последствий неправильной оценки деяний коррупционной направленности, совершенных контрактным управляющим, — ухудшение положения данного лица вследствие квалификации деяния по норме о более тяжком преступлении, вменения виновному более опасного состава преступления. Санкции норм о должностных преступлениях (главным образом, предусмотренных ст. 285, 286 и 290 УК РФ), которые некоторыми исследователями рассматриваются в качестве смежных составам злоупотреблений и подкупа в сфере закупок, в основном строже в сравнении с видами и сроками (размерами) наказаний, предусмотренных санкциями ст. 200.⁴, 200.⁵ УК РФ. Не удивительно, что в судебной практике по делам о преступлениях коррупционной направленности в сфере закупок наблюдается и «зеркальная» ситуация, когда защитники просят суды переqualифицировать коррупционные деяния осужденных, получившие оценку как совершенные должностными лицами, на менее тяжкие, предусмотренные нормами рассматриваемых статей гл. 22 УК РФ².

---

² См., напр.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 № 77-661/2021 // СПС КонсультантПлюс.

Решающее значение при разграничении признаков должностных лиц и контрактных управляющих имеет наличие или отсутствие организационно-распорядительных полномочий в отношении совершения действий (бездействия) именно в сфере закупок.

В постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в котором раскрыто содержание организационно-распорядительных функций, выделено два их вида: функции руководства коллективом и связанные с принятием решений, имеющих юридическое значение и влекущих юридические последствия. Если лицо обладает полномочиями принятия юридически значимых решений, влекущих правовые последствия, которые заключаются в установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, то это лицо является должностным.

Согласно ст. 38 Закона № 44-ФЗ на заказчиков, совокупный годовой объем закупок которых превышает 100 млн. руб. возложена обязанность создания контрактных служб (создание специального структурного подразделения при этом не является обязательным). Если совокупный объем закупок заказчика не превышает 100 млн. руб., а контрактная служба не создана, заказчик назначает должностное лицо — контрактного управляющего (ч. 1, 2 ст. 38 названного Закона).

Контрактные службы создаются в соответствии с Типовым положением (регламентом) о контрактной службе, утвержденным федеральным органом исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок. Если контрактная служба создается как отдельное подразделение, ее возглавляет руководитель структурного подразделения, назначаемый на должность приказом руководителя заказчика либо уполномоченного лица, исполняющего его обязанности. Контрактную службу, которая создается без образования отдельного подразделения, возглавляет руководитель заказчика или один из заместителей руководителя заказчика.

В первом случае руководитель контрактной службы при формировании организационной структуры определяет должностные обязанности и персональную ответственность работников контрактной службы, распределяя определенные Положением функциональные обязанности между указанными работниками, что свидетельствует о наделении руководителя контрактной службы организационно-распорядительными полномочиями в отношении организации труда подчиненных. Кроме того, руководитель контрактной службы руководит деятельностью службы по организации заключения и исполнения контрактов.

Между тем функциональные обязанности контрактной службы и ее руководителя в сфере закупок не связаны с принятием юридически значимых решений, влекущих правовые последствия, что следует из содержания этих

функций, определенных в Приказе Минфина России от 31.07.2020 № 158н «Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе». Эти обязанности имеют хотя и организационный, но не организационно-распорядительный характер, и они относятся к сугубо профессиональной деятельности.

В постановлении Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» обращено внимание на то, что не образует состава получения взятки принятие должностным лицом незаконного вознаграждения за совершение действий (бездействие), хотя и связанных с исполнением его профессиональных обязанностей, но при этом не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям. По этой причине нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок при осуществлении профессиональной деятельности, не связанной с принятием юридически значимых решений, а также получение незаконного вознаграждения за такую деятельность должны квалифицироваться соответственно по ст. 200.⁴ или 200.⁵ УК РФ. При этом уголовно-правовой статус руководителя контрактной службы может измениться, например, когда такое лицо возглавило закупочную комиссию либо назначено членом такой комиссии.

Из вышесказанного следует, что не только должность в государственном или муниципальном органе (организации) придает лицу статус должностного, но и содержание функций, им осуществляемых. Отраслевой правовой статус контрактного управляющего не может распространяться на уголовно-правовые отношения только в силу использования в иной отрасли права термина «должностное лицо» — требуется принимать во внимание содержание полномочий рассматриваемого субъекта.

Остается согласиться с позицией исследователей, что при совершении подкупа в сфере закупок виновный получает незаконное вознаграждение за технические действия [Бавсун М.В., Борков В.Н., 2018: 91]. Таким образом, функции контрактного управляющего в сфере закупок имеют организационный и технический характер, но не организационно-распорядительный.

3. Уголовно-правовой статус членов комиссии по осуществлению закупок и лиц, осуществляющих приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг

В соответствии с ч. 1 ст. 39 Закона № 44-ФЗ заказчики для определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), за исключением неконкурентных закупок, создают комиссию по осуществлению закупок. Анализ полно-

мочий соответствующих комиссий приводит к выводу, что в их полномочия входит принятие юридически значимых решений. Так, члены закупочной комиссии при проведении закрытого конкурса «рассматривают поступившие заявки на участие в закупке и в отношении каждой такой заявки принимают решение о признании заявки на участие в закупке соответствующей документации о закупке или об отклонении заявки на участие в закупке» (п. 1 ч. 10 ст. 73 Закона № 44-ФЗ). По п. 2 ч. 10 ст. 73 данного Закона заказчик составляет протокол подведения итогов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), который подписывают все члены комиссии. По результатам закрытого конкурса заключается контракт.

Таким образом, каждый из членов конкурсной комиссии обладает полномочиями, которые иначе как организационно-распорядительными назвать нельзя, поскольку они имеют юридическое значение и влекут определенные юридические последствия. Аналогичная ситуация имеет место и относительно полномочий членов других комиссий по осуществлению закупок (ст. 48, 49, 50, 74, 75, 76 Закона № 44-ФЗ (в ред. от 11.06. 2022)).

В связи с этим верно квалифицированы действия председателя комиссии государственного заказчика, признанного как должностное лицо виновным в получении незаконного вознаграждения за «встречные» действия в пользу исполнителя работ по государственному контракту³.

Лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг. В соответствии с ч. 1 ст. 94 Закона № 44-ФЗ приемка поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, а также отдельных этапов поставки товара, выполнения работы, оказания услуги, предусмотренных контрактом, включая экспертизу поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, а также отдельных этапов исполнения контракта относится к комплексу мер по исполнению контракта.

Приемка результатов контракта может быть осуществлена заказчиком (должностным лицом заказчика) либо приемочной комиссией, когда необходимо коллегиальное решение. Например, если для приемки необходимы специалисты разного профиля, объект закупки отличается технической сложностью или высокой стоимостью. По результатам приемки товара, если она прошла успешно, оформляется документ о приемке, который подписывается заказчиком (в случае создания приемочной комиссии подписывается всеми членами приемочной комиссии и утверждается заказчиком). При отказе от приемки товара поставщику направляется мотивированный отказ (ч. 7 ст. 94 Закона № 44-ФЗ).

³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2013 г. № 86-АПУ13-7 // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, приемка товаров, сопровождающаяся оформлением соответствующего документа, относится к действиям, влекущим правовые последствия, а лица, осуществляющие указанное действие, наделены организационно-распорядительными полномочиями, т.е. относятся к должностным. Утверждение приемочного документа заказчиком (руководителем организации — заказчика) не означает отсутствия у членов комиссии организационно-распорядительных функций, поскольку их подписи являются столь же обязательными, как и утверждение документа руководителем.

Заключение

Несогласованность в науке уголовного права и аналогичные риски правоприменения при определении уголовно-правового статуса служащих заказчика обусловлены прежде всего подходом законодателя к отражению признаков специального субъекта преступлений, предусмотренных ст. 200.⁴ и 200.⁵ УК РФ. Использование в названии ст. 200.⁴ УК РФ слово «злоупотребления» применительно к публичным закупкам (т.е. создание условий для «рефлекторного», «непроизвольного» сравнения данной нормы при доктринальной и легальной квалификации коррупционных деяний в сфере закупок со ст. 285 УК РФ) становится поводом для непродуктивных дискуссий, приведших исследователей, по крайней мере, к спорным выводам. Необоснованное помещение ст.ст. 200.⁴, 200.⁵ УК РФ в гл. 22 УК РФ; использование в диспозиции данных норм при описании специального субъекта признаков, требующих разграничения данных деяний с преступлениями, предусмотренными гл. 30 УК РФ, также относится к дополнительным рискам неправильного применения уголовного закона. Допущенная законодателем при описании признаков исполнителя данных преступлений необязательная казуистичность станет другим препятствием правильной оценки коррупционных деяний, совершаемых в сфере закупок.

Диспозиции статей уголовного законодательства, вошедших в предмет настоящего исследования, являются бланкетными, в том числе в части описания признаков исполнителя злоупотреблений и подкупа в сфере закупок. В связи с этим при определении признаков каждого субъекта следует обращаться к нормативной правовой базе, определяющей права и обязанности лиц и, основываясь на содержании их полномочий, устанавливать уголовно-правовой статус представителей заказчика.

Анализ содержания функций некоторых исполнителей злоупотреблений и подкупа в сфере закупок позволяет прийти к выводу, что в качестве таковых указаны лица, обладающие признаками должностных. К ним, в частности, относятся члены комиссии по осуществлению закупок, принимающие юридически значимые решения, а также лица, осуществляющие приемку

поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг. При злоупотреблении должностными полномочиями, их превышении, получении взятки такие лица должны нести ответственность за преступления, предусмотренные гл. 30 УК РФ (как правило, по ст. 285, 286 или 290 УК РФ).

Анализ содержания полномочий контрактного управляющего позволил сделать вывод, что такие лица не являются должностными при выполнении функций, связанных с обеспечением государственных и муниципальных нужд. Исключением будет совмещение функций руководства контрактной службой должностным лицом (руководителем) заказчика.

Таким образом, требуется совершенствование уголовного законодательства в части изменения содержания норм, устанавливающих ответственность за злоупотребления и подкуп в сфере закупок. Приоритетными направлениями здесь являются изменения, связанные с описанием признаков специального субъекта рассматриваемых преступлений, в том числе, связанными с отказом от казуистичности при описании специального субъекта и соответствующей «компактизации» законодательной конструкции составов злоупотреблений и подкупа в сфере закупок.

Список источников

1. Абрамкин А.Д. (а) Контрактный управляющий как субъект совершения преступления, предусмотренного статьей 200⁴ Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 32–36.
2. Абрамкин А.Д. (б) Ущерб как признак состава злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. С. 52–57.
3. Аристархов А.Л. и др. Криминологическая характеристика «откатов» в современной России. М.: Юрлитинформ, 2016. 246 с.
4. Аснис А.Я. Новеллы УК об ответственности за злоупотребления в сфере публичных закупок: предыстория и проблемы квалификации // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 4. С. 34–43.
5. Бавсун М.В., Борков В.Н. Новые уголовно-правовые меры охраны отношений в сфере закупок для государственных нужд // Современное право. 2018. № 9. С. 90–94.
6. Борков В.Н. Злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.⁴ УК РФ) и мошенничество // Уголовное право. 2018. № 4. С. 29–32.
7. Быков А.В. Отдельные проблемы криминализации коррупционных деяний, совершаемых в сфере служебных отношений (размышления о ст. 200.⁴, 200.⁵ УК РФ) / Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения: сборник материалов. Хабаровск: Юрист, 2018. С. 34–41.
8. Гладких В.И. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.⁴ УК РФ): теоретический анализ // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 51–54.

9. Грузинская Е.И., Рудаков А.Е. Злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.⁴ УК РФ): анализ признаков состава преступления // Российский правовой журнал. 2020. №1. С. 74–77.
10. Гудков А.П. Злоупотребления в сфере публичных закупок (статья 200.⁴ УК РФ): достоинства и недостатки законодательной новеллы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. 2018. № 11. С. 93–97.
11. Иванчин А.В. Проблемы гармонизации внешнего оформления норм о преступлениях в сфере экономической деятельности / Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2012. С. 80–88.
12. Кулешов Ю.И. Субъекты служебных преступлений: проблемные вопросы толкования с учетом действующего уголовного законодательства / Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения: сборник материалов. Хабаровск: Юрист, 2018. С. 81–86.
13. Лопашенко Н.А. Анализ принципов криминализации на примере криминализации преступлений в сфере экономической деятельности / Современные проблемы уголовной политики. Краснодар: КрУ МВД России, 2014. С. 143–155.
14. Любый И.А. (а) Дефекты состава преступления, предусмотренного ст. 200.⁴ УК РФ // Администратор суда. 2020. № 4. С. 35–37.
15. Любый И.А. К вопросу о сущности общественно опасных последствий при злоупотреблении в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200.⁴ УК РФ) // Военно-юридический журнал. 2019. № 10. С. 14–17.
16. Любый И.А. (б) Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.⁴ УК РФ // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 27–29.
17. Панфилов И.П. Соотношение злоупотреблений полномочиями в сфере закупок с другими посягательствами на государственную собственность // Инновационная экономика и право. 2020. № 1. С. 46–48.
18. Перов В.А. Особенности квалификации действий лиц, осуществляющих злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1. С. 70–73.
19. Семькина О.И. Криминализация финансово-хозяйственных отношений в сфере государственных закупок (компаративистский анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 161–170.
20. Сердюк А.Ю. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных или муниципальных нужд: признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.⁴ УК РФ // Эпомен. 2020. № 41. С. 387–399.
21. Соловьев О.Г., Князьков А.А. К вопросу об отдельных дефектах конструкции состава преступления о подкупе работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.⁵ УК РФ) // Российский правовой журнал. 2020. № 1. С. 70–73.
22. Чекмезова Е.И. Некоторые вопросы применения норм об уголовной ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 4. С. 453–455.

23. Черняков С.А., Цуркин В.С. Особенности квалификации злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. №2. С. 44–47.
24. Шуба Е.С. Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2020. № 2. С. 13–16.
25. Akenroye T., Owens J. et al. Dynamic capabilities for SME participation in public procurement. *Business Process Management Journal*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 857–888.
26. Alhola K., Ryding S. et al. Exploiting Potential of Public Procurement: Opportunities for Circular Economy. *Journal of Industrial Ecology*, 2019, vol. 23, pp. 96–109.
27. Dastidar K. Mukherjee D. Corruption in delegated public procurement auctions. *European Journal of Political Economy*, 2014, vol. 35, pp. 122–127.
28. Ferwerda J., Deleanu I., Unger B. Corruption in Public Procurement: Finding the Right Indicators. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2017, vol. 23, no. 2, pp. 245–267.
29. Giorgiantonio C., Decarolis F. Corruption Red Flags in Public Procurement: New Evidence from Italian Calls for Tenders. *Bank of Italy Occasional Paper*, 2020, no. 544, pp. 1–36.
30. Gottschalk P., Smith C. Detection of white-collar corruption in public procurement in Norway: The role of whistleblowers. *International Journal of Procurement Management*, 2016, vol. 9, no. 4, pp. 427–443.
31. Hoekman B., Taş B. Procurement policy and SME participation in public purchasing. *Small Business Economics*, 2020, no. 4, pp. 383–402.
32. Iannone F., Testa F. et al. The role of Green Public Procurement in circular economy policies: An international comparison. *Economics and Policy of Energy and the Environment*, 2019, vol. 2, pp. 149–170.
33. Kuatova A.S. Corruption crimes in public procurement in the Republic of Kazakhstan. *Middle East Journal of Scientific Research*, 2013, vol. 17, no. 10, pp. 1419–1424.
34. Mutangili S. Role of e-procurement practices in fighting fraud and corruption in public procurement. *Journal of Procurement & Supply Chain*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 36–47.
35. Williams-Elegbe S. Systemic corruption and public procurement in developing countries: are there any solutions? *Journal of Public Procurement*, 2018, vol.18, no. 2, pp. 131–147.

References

1. Abramkin A.D. (2021) (a) Contract manager as a subject of committing the crime under Art. 200.⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*=Krasnodar University of Internal Ministry Bulletin, no. 3, pp. 32–35 (in Russ.)
2. Abramkin A.D. (2021) (b) Damage as a sign of corpus delicti in the procurement of goods, works and services ensuring state or municipal needs. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*=Internal Ministry Saint Petersburg University Bulletin, no. 3, pp. 52–57 (in Russ.)

3. Akenroye T., Owens J. et al. (2020) Dynamic capabilities for SME participation in public procurement. *Business Process Management Journal*, vol. 26, no. 4, pp. 857–888. DOI: <https://doi.org/10.1108/BPMJ-10-2019-0447>
4. Alhola K., Ryding S. et al. (2019) Exploiting Potential of Public Procurement: Opportunities for Circular Economy. *Journal of Industrial Ecology*, vol. 23, pp. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.1111/jiec.12770>
5. Aristarkhov A.L. et al. (2016) Criminological characteristics of “kickbacks” in modern Russia. Moscow: Yurlitinform, 246 p. (in Russ.)
6. Asnis A.Y. (2018) Novels of the Criminal Code on responsibility for abuses in public procurement: background and qualification. *Rossiyskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*=Russian Competition Law and Economy, no. 4, pp. 34–43 (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32686/2542-0259-2018-4-34-43>
7. Bavsun M.V., Borkov V.N. (2018) New criminal law measures for protect of relations in the sphere of government procurement. *Sovremennoe pravo*=Modern Law, no. 9, pp. 90–94 (in Russ.)
8. Borkov V.N. (2018) Abuses in the sphere of procurements (Article 200⁴ of the Criminal Code) and fraud. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 4, pp. 29–32 (in Russ.)
9. Bykov A.V. (2018) Criminalization of corruption acts committed in the field of official relations (reflections on Articles 200.⁴, 200.⁵ of the Russian Criminal Code. In: Official Crimes: a collection of papers. Khabarovsk: Jurist, pp. 34–41 (in Russ.)
10. Chekmezova E.I. (2018) Application of criminal responsibility rules for the schedule of the worker of the contract service, the contract manager, the member of the purchasing commission. *Vestnik Omskoi juridicheskoi akademii*=Omsk Law Academy Bulletin, no. 4, pp. 453–455 (in Russ.)
11. Chernyakov S.A., Tsurkin, V.S. (2019) Features of qualification of abuse in the field of procurement of goods, works and services for state or municipal needs. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = Internal Ministry Saint Petersburg, Kaliningrad branch Bulletin, no. 2, pp. 44–47 (in Russ.)
12. Dastidar K., Mukherjee D. (2014) Corruption in delegated public procurement auctions. *European Journal of Political Economy*, vol. 35, pp. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2014.05.003>
13. Ferwerda J., Deleanu I., Unger B. (2017) Corruption in Public Procurement: Finding the Right Indicators. *European Journal on Criminal Policy and Research*, vol. 23, no. 2, pp. 245–267. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10610-016-9312-3>
14. Giorgiantonio C., Decarolis F. (2020) Corruption red flags in public procurement: new evidence from Italian calls for tenders. *Bank of Italy Occasional Paper*, no. 544, 36 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3612661>
15. Gladkikh V.I. (2019) Abuses in the sphere of procurement of goods, works and services for state or municipal needs (Article 200.⁴ of the Criminal Code): theoretical analysis. *Rossiyskaia justiciia*=Russian Justice, no. 3, pp. 51–54 (in Russ.)
16. Gottschalk P., Smith C. (2016) Detection of white-collar corruption in public procurement in Norway: the role of whistleblowers. *International Journal of Procurement Management*, vol. 9, no. 4, pp. 427–443. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJPM.2016.077703>
17. Gruzinskaya E.I., Rudakov A.E. (2020) Abuse in the sphere of procurement of goods, activities, services for state or municipal needs (Article 200.⁴ of Russian Criminal Code): analysis of crime elements. *Rossiyskiy pravovoy zhurnal*=Russian Law Journal, no. 1, pp. 74–77 (in Russ.)

18. Gudkov A.P. (2018) Abuses in public procurement (Article 200⁴ of Criminal Code): advantages and disadvantages of the legislative novel. *Ekonomika i pravo*=Economy and Law, no. 11, pp. 93–97 (in Russ.)
19. Hoekman B., Taş B. (2020) Procurement policy and SME participation in public purchasing. *Small Business Economics*, no. 4, pp. 383–402. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-020-00414-z>
20. Iannone F., Testa F. et al. (2019) The role of Green Public Procurement in circular economy policies: an international comparison. *Economics and Policy of Energy and the Environment*, vol. 2, pp. 149–170. DOI: <https://doi.org/10.3280/EFE2019-002007>
21. Ivanchin A.V. (2012) Harmonization of external registration of norms on crimes in the sphere of economic activity. In: Modern anti-criminal policy: in search of optimal model. A collection of papers. Moscow: Prospect, pp. 80–88 (in Russ.)
22. Kvatova A.S. (2013) Corruption crimes in public procurement in Kazakhstan. *Middle East Journal of Scientific Research*, no. 10, pp. 1419–1424.
23. Kuleshov Y.I. (2018) Subjects of official crimes: issues of interpretation by current criminal legislation. In: Official crimes: theory and practice. Khabarovsk: Jurist, pp. 81–86 (in Russ.)
24. Lopashenko N.A. (2014) Analysis of the principles of criminalization on the example of criminalization of crimes in the field of economic activity. In: Modern aspects of anti-criminal policy. Collection of papers. Krasnodar: Ministry of Internal University Press, pp. 143–155 (in Russ.)
25. Lyuby I.A. (2019) Socially dangerous consequences of violations in procurement of goods, works, services for state and municipal needs (Article 200.⁴ of the Criminal Code). *Voенно-юридический журнал*=Military Law Journal, no. 10, pp. 14–17 (in Russ.)
26. Lyuby I.A. (2020) (a) Defects of crime constituent elements stipulated by Article 200.⁴ of the Criminal Code. *Administrator suda*=Court Administrator, no. 4, pp. 35–37 (in Russ.)
27. Lyuby I.A. (2020) (b) The subjective content of Article 200.⁴ of the Criminal Code. *Rossiyskaya justiciya*=Russian Justice, no. 2, pp. 27–29 (in Russ.)
28. Mutangili S. (2019) Role of e-procurement practices in fighting fraud and corruption in public procurement. *Journal of Procurement & Supply Chain*, no. 2, pp. 36–47. Available at: <https://stratfordjournals.org/journals/index.php/journal-of-procurement-supply/article/view/276> (accessed: 25.12.2021)
29. Panfilov I.P. (2020) Correlation of abuse of power in the sphere of procurement with other encroachments on state property. *Innovacionnaja ekonomika i pravo* =Innovation Economy and Law, no. 1, pp. 46–48 (in Russ.)
30. Perov V.A. (2021) Qualification of actions of persons carrying out abuses in procurement of goods, works, services for state or municipalities. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih reshenija*=Investigation: Issues and its Decisions, no. 1, pp. 70–73 (in Russ.)
31. Semykina O.I. (2018) Criminalization of financial and economic relations in the sphere of public procurement (comparative analysis). *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*=Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, no. 3, pp. 161–170 (in Russ.)
32. Serduk A.Y. (2020) Abuses in procurement of goods, work, services to meet the state or municipal needs, signs of the objective side of the crime under Article 200.4 of the Criminal Code of Russia. *Epomen*, no. 41, pp. 387–399 (in Russ.)
33. Shuba E.S. (2020) Bribery of a contract service employee, a contract manager, a procurement commissioner. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*=Issues of Combating Crimes, no. 2, pp. 13–16 (in Russ.)

34. Soloviev O.G., Knyazkov A.A. (2020) Defects in structure of the crime of bribing a contract service employee, contract manager, member of the procurement commission (Article 200.⁵ of the Criminal Code). *Rossiyskiy pravovoi zhurnal*=Russian Law Journal, no. 1, pp. 70–73 (in Russ.)

35. Williams-Elegbe S. (2018) Systemic corruption and public procurement in developing countries: are there any solutions? *Journal of Public Procurement*, vol. 18, no. 2, pp. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1108/JOPP-06-2018-009>

Данные об авторе:

Ш.М. Шурпаев — доцент, кандидат юридических наук, кандидат экономических наук.

Information about the author:

Sh.M. Shurpaev — Associate Professor, Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Economics).

Статья поступила в редакцию 25.12.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted to the editorial office 25.12.2021; approved after reviewing 24.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.